

Лян Цзинь категорически отказался, не оставив никаких вариантов:

— Невозможно. Тетя ведь знает, что в глазах бабушки и дедушки важнее всего их племянник. Когда он приезжает, разве не приходится отдавать все? Сын старшего дяди тоже собирается жениться, а третий дядя только и ждет своего шанса. Среди всех этих волков, когда мне действительно понадобятся деньги, они даже не признают долга.

Лян Хуайюй, которая раньше слышала от матери, что Лян Цзинь — настоящий бунтарь, не поверила. Теперь она была поражена, как этот тихий парень может быть таким расчетливым. Она не смогла скрыть своего раздражения и строго сказала:

— Ты еще ребенок, что ты понимаешь? Кто тебя этому научил? Твоя мама? Ты совсем испортился! Твоя мама всегда смотрела на нашу семью из-за денег, а теперь, услышав о них, у нее появились плохие мысли. Она заберет деньги и бросит тебя. В городе уже несколько таких случаев, когда женщины забирали деньги и сбегали, все из их деревни.

Голос Лян Цзиня резко повысился:

— Тетя, это слова, которые ты говоришь своему племяннику? Я знаю, кто моя мама, а ты тут сеешь раздор между нами. Тебе не стыдно? Если бы бабушка Чуньянь так же учила ее не любить тебя, ты бы смогла это проглотить? Я отдал бабушке деньги, это была дань уважения отцу. Хватит уже, не переешь, а то подавишься.

Матушка Лян, стоявшая снаружи, с тревогой слушала, но, видя, как старшая дочь теряет лицо, почувствовала странное удовлетворение.

Лян Цзинь продолжил:

— Отца больше нет, теперь я глава семьи. Если у вас есть дела, обращайтесь ко мне, не трогайте маму. Если я узнаю, что вы ее беспокоите, не удивляйтесь, если я приду и устрою скандал. У твоего мужа в городе репутация, а если его бедный родственник начнет шуметь, это будет позор.

Лян Хуайюй, услышав, как он говорит все больше непозволительного, схватила первую попавшуюся вещь и бросила в него:

— Ты совсем с ума сошел? Ты так разговариваешь со старшими? Ты еще и угрожаешь? Если я тебя не проучу, твой мозг совсем заплывет жиром.

Это был пенал, который Лян Цзинь оставил на столе. Он уклонился, и железная коробочка с грохотом ударилась о стену, рассыпав содержимое, а затем упала на пол.

Матушка Лян бросилась к сыну, проверяя, не пострадал ли он, и с гневом сказала:

— Сестра, как ты могла ударить? Моего сына тебе не учить. Наши семейные дела вас не касаются.

Лян Цзинь спокойно добавил:

— Тетя, лучше займись своими делами. На днях я видел, как твой муж гулял с какой-то женщиной в городе...

Лицо Лян Хуайюй оставалось спокойным, но ее слегка дрожащие глаза выдавали ее. Лян

Цзинь помнил, как в прошлой жизни тетя узнала об измене мужа только тогда, когда он подал на развод. На этот раз он решил сделать доброе дело и дать ей знать заранее, чтобы у него было время вмешаться и открыть глаза всем этим слепым в семье Лян.

Лян Хуайюй не поверила, но в ее взгляде читались разочарование и ненависть. Она с гневом ушла.

Матушка Лян легонько ударила сына:

— Я думала, ты будешь спорить с тетей, но такие слова нельзя бросать просто так.

Лян Цзинь пожал плечами:

— Я не солгал. Если бы она узнала позже, у них уже был бы ребенок в школе. Пусть займется своими делами, а то слишком много времени проводит, вмешиваясь в наши.

После полудня старший дядя, как всегда, пришел с добрыми намерениями:

— Твой зять договорился с владельцем шахты «Синье», чтобы ты пошел туда работать. Бросай учебу, все равно ты ничего не добился. Они готовы платить тебе больше, но часть денег нужно будет отдать бабушке на хранение.

Лян Цзинь даже не поднял глаз, улыбаясь:

— Сколько раз вы уже промахивались? Каждый раз все хуже и хуже. Я буду работать и страдать, а вы будете тратить мои деньги? Где вы видели такое? Это отличная возможность, но старший и третий дядя пока без работы. Я уступаю ее вам. Хотя я и не лучший ученик, мне нравится слушать учителей, и я хочу продолжать учиться.

В этой семье не все были готовы подчиняться, поэтому Лян Цзинь не стал церемониться, наблюдая, как старший дядя покраснел и ушел, что подняло ему настроение.

В деревне редко кто ставил ворота, обычно ограничиваясь собакой. В день, когда Чэн Хао был дома, Лян Цзинь дождался темноты и отправился к нему. Подойдя к воротам, он увидел, что они закрыты изнутри. Не желая шуметь и беспокоить соседей, он решил перелезть через низкий угол, но, как только он схватился за него, почувствовал острую боль и невольно вскрикнул.

Из дома вышел человек, резко спросив:

— Кто здесь?

Лян Цзинь с досадой ответил:

— Чэн Хао, это ты? Я чуть не проткнул себя.

Чэн Хао, узнав его, рассмеялся, открыл ворота и пригласил войти:

— Зачем лезть через забор? Давай, заходи в дом.

Закрыв дверь, Чэн Хао сказал:

— Такие деньги, знают о них или нет, нужно беречь. Бабушка уже приходила к тебе за ними?

Чэн Хао уже расстелил одеяло, и Лян Цзинь улегся на кровать, накрыв голову, и пробормотал:

— Да, вся семья пришла меня доставать. Я их всех отправил. Послезавтра свободен? Поедем в город. Деньги лежат без дела, нужно их потратить.

Чэн Хао с недоумением посмотрел на него:

— Это же не маленькая сумма. Как ты собираешься их потратить? Деньги сейчас дороги, не делай глупостей.

Они пересчитали оставшиеся деньги — почти 40 000. Чэн Хао, видя, как Лян Цзинь морщится от боли, похлопал его по плечу, положил пачку денег на место и вздохнул.

Лян Цзинь оставался до одиннадцати. Кровать была теплой, одеяло согревало, и он совсем расслабился, но, несмотря на сонливость, боялся заснуть. С трудом поднявшись, он потянулся и сказал:

— Спи, я пойду домой.

Чэн Хао, видя, что он устал, предложил:

— Остайся переночевать, завтра вернешься, чтобы не будить тетю.

Лян Цзинь покачал головой:

— Нет, мама уже несколько лет не ночевала дома, боюсь, ей будет беспокойно. Послезавтра утром жди меня у въезда в деревню, поедем в город.

Чэн Хао дал ему куртку, чтобы он не простудился.

Лян Цзинь тихо вернулся домой, и, как только он коснулся ручки двери, из соседней комнаты слышалось:

— Уже поздно, Лян Цзинь, иди спать.

Он ответил и, вернувшись в комнату, сразу уснул.

Он мог бы проспать до полудня, но его сон был чутким, и малейший шум мог его разбудить. В этом дворе только его громкоголосая бабушка могла так шуметь.

Закрыв глаза, он не мог уснуть и, наконец, встал, оделся, умылся, а за окном все еще раздавались ругательства.

Лян Цзинь услышал, как из средней комнаты вышла мать с ведром, и тут же раздался резкий голос бабушки:

— Как ты смеешь трогать мой уголь? Уже денег украла, теперь еще и мое добро хочешь присвоить? Ты что, работала за него или платила? Как ты вообще можешь быть такой бессовестной? Убирайся туда, откуда пришла, не позорь наш дом.

Лян Цзинь вышел из комнаты, взял у матери лопату и ведро и, набирая уголь, спросил:

— Бабушка, а откуда этот уголь?

Бабушка Лян с гордостью ответила:

— Это мой зять прислал, чтобы я зимой не мерзла.

Лян Цзинь, втыкая лопату в кучу угля, усмехнулся:

— Бабушка, у тебя память подводит. Все, что у тебя есть, ты приписываешь зятю. Ты уже десять лет об этом кричишь. Если не веришь, спроси у Ван У в деревне. Мой зять действительно хороший человек, все золото на его лицо лепит, оно уже почти как золотая маска.

Лян Хуайюй и Сун Дуншэн только что вошли и услышали это. Сун Дуншэн напрягся, явно разозлившись.

Лян Хуайюй уже собиралась что-то сказать, но Сун Дуншэн с улыбкой произнес:

— Тетя, Лян Цзинь прав. Ты все хорошее приписываешь мне, мое лицо действительно скоро станет золотым. В прошлом месяце я ничего в деревню не прислал, уголь подорожал, его трудно достать. Если бы я прислал что-то плохое, ты бы точно ругалась.

Бабушка Лян, смеясь, поправилась:

— Вот почему уголь такой слабый, раньше он горел ярче... Заходите, попейте воды.

Автор хочет сказать:

Информацию о 10 000 и 40-50 000 я узнал от взрослых, чмок, добавьте в закладки.

<http://bllate.org/book/16631/1523285>